

Ума бежал. Он нёсся по станции как олени породы дхун, преследуемые волками. Роль волков же досталась четвёрке в бронекостюмах, неистово преследующих свою жертву. Особенно бесновался в своей неистовости Вэйлос, плачевно известный по прошлому отбору, жаждущий уже не столько мщениия за выжившего товарища, сколько за самого себя.

Выдох, шаг, прыжок, шаг, вдох.

Буквально повторялись события их ночной встречи: монах убегал с определённой грацией, а его чёрная коса извивалась, то ли в попытках догнать хозяина, то ли не отстать от него. Преследователи меняли построение за построением, не скрывая своих намерений перехватить убежавшего. Беда команды «бронников» заключалась в том, что они не понимали: как совершить поимку. Не уступая в скорости (слава функционалу костюма) и в выносливости (опять же слава стимулирующей обшивке), они уже с десятков раз были уверены в своём успехе, но Ума всегда умудрялся проскользнуть, перепрыгнуть, ускориться и поменять направление с такой лёгкостью, что преследователи буквально слышали его не озвученный смех.

Плавный вдох, шаг, шаг, прыжок, кувырок, шаг, шаг, выдох.

«Как смеет он, насекомое, жалкая деревенщина, никто и ничто в этом мире, насмеяться над достойнейшими из мужей!?» — немим криком подгоняют себя бронники. «А вот так!» — бесшумно смеётся и играючи в очередной раз ускользает монах.

Направо, шаг, оттолкнуться от стены, разворот, прыжок, шаг, выдох.

Из четвёрки ещё никто не понимал, в чём они ошиблись. Они воспринимали погоню как обычное преследование. Забывая о том, что за горой может скрываться океан, что облака скрывают чистоту неба, а звёздный свет скрывает бесконечную тьму космоса. Так и за погоней они не видели сражения. А сражение началось ещё задолго до сигнала. Ума начал эту битву ещё на ночном отборе и продолжал её, не позволяя себе мысли о возможной безнадёжности некоторых боёв. Он уже видел их движения в погоне, он уже знал, на что они способны. И в то же время он знал об их неспособности, верил в их возможную ограниченность и надеялся на свой ум. Нет, он надеялся на ум змея девяти искусств — ум трусливого хищника. И змей выжидал, затаившись в своей статической смертоносности.

Уклониться, шаг, прыгнуть через дрона-уборщика, направо, налево, шаг, вдох.

Ума бежал по наиболее просторным помещениям станции, заранее составив маршрут и оценив свои шансы. Пересекая жилой корпус, экскурсионную залу, музей и библиотеку он заранее знал, где можно свернуть, чтобы процессоры вражеских костюмов не смогли отреагировать достаточно быстро. Туристы сегодня сидели в наиболее безопасных местах станции, наблюдая за происходящим через визионы и в сердцах обзывая монаха трусом и размазнёй. Пусть. Главное — чтоб не мешались.

Шаг, шаг, выдох, шаг, вправо, влево, шаг, вдох, шаг.

Быстро и плавно, мягко и упруго, юноша почти летел по настилу, понимая, что любая запинка может означать смерть, как понимали это и преследователи, то и дело обманываясь ложными финтами и манёврами, понапрасну позволяя костюмам себя подгонять. Бронники уже потеряли счёт времени, прошедшего от начала погони, но его не потерял Ума. Забег продолжался уже около получаса, и, учитывая свою способность к многочасовому бегу, он понимал, что мог бы продержаться до конца этого отбора даже в связи с излишней тратой энергии на манёвры. Но убежавшего это не устраивало: в следующий раз охотники подготовятся и не дадут добыче и шанса. Поэтому, намереваясь переговорить с враждебно

настроенными участниками, добыча останавливалась уже дважды. Первый раз они решили, что он сдался, и поспешили, позволяя монаху продолжить пробег. Во второй раз — окружили, без явного намерения вести переговоры, но и тут убегавший дал понять, что набирает скорость быстрее, чем костюм S-ранга может ускорить своего носителя.

Шаг, шаг, раз, два, три, влево, шаг, выдох, четыре.

Ума, с лёгкой отдышкой, замер посреди просторной арки аква-театра. Посреди достаточно большой площадки в центре, окружённой немислимой в своей красоте водным танцем. Струи воды взлетали, отражая световые блики, извивались, соединялись и распадались подобно живому существу.

Чёрный квартет, не обращая внимания на эстетические игры воды, рассредоточился по периметру площадки и, наученный опытом, выжидал. Вероятно, доселе незнакомый Уме лидер бронников делает шаг вперёд и поднимает руки:

— И долго мы намерены это продолжать? — голос, усиленный шлемом, не позволяет определить расовую принадлежность говорившего, — мы можем продолжать эту игру весь день, но в этом нет смысла: даже если ты сможешь убежать весь турнир (что маловероятно) очков ты не наберёшь, впрочем, как и мы. — Лидер накрывает правой ладонью левую и крепко сжимает свои руки. — Мы все понимаем, каков будет исход, так зачем продолжать борьбу с неизбежным? Я уважаю твои способности: немногие способны противостоять «смерчу», но это конец, ты проиграл, понимаешь ты это или нет. Остаётся только вопрос: как именно это произойдёт, сдашься ли ты нам добровольно, и тогда, обещаю, мы не причиним тебе вреда, или мы загоним тебя как крысу, и тогда у тебя не будет шанса присоединиться к миру Синтраж. Стоит ли оно того? Жертвовать здоровьем ради невозможной победы?

— Извините, начало я прослушал, но как понял: вы хотите, чтобы я вам доверился, — Ума непринуждённо ковыряется в ухе, — и как я могу это сделать, не зная даже вашего имени?

— Меня зовут Бар Дьюк, — лидер снимает шлем, являя миру некрасивое в своей асимметрии, испещрённое татуировками, лицо, — и я всегда держу своё слово, и я сдержу слово, данное моему собрату по турниру, что ты, человек, повергший его, будешь сокрушён нами. Каким же образом, выбирать тебе...

— Ёшки, для меня, простого деревенского парня такие речи понимаются с трудом, но я не против принятия вашего предложения... только... на моих условиях.

— Деньги? — Бар Дьюк слегка скривился.

— Что Вы, что Вы, я всего-навсего предпочту проиграть в бою один на один, с любым из вас, всех то я не потяну, уж извините.

— Ты полагаешь, что сможешь победить?

— Ни в коем разе, милейший... гм... голыми руками броню S-ранга не взять, тот раз был везением, так сказать, я просто не хочу сдаваться без боя... Боя, в который никто не будет вмешиваться...

Лидер принимал решение, периодически проверяя показатели радара, пока один из четвёрки твёрдым шагом не подошёл к нему и, став на колени, не заговорил:

— Позвольте мне сразиться с ним, — голос выдал в говорившем Вэйлоса, явно корившего себя

за ночной провал, — я как никто хочу взять с наглеца плату... за содеянное...

Ума мысленно бьётся головой о стену, ели сдерживаясь от слёз и смеха, а когда берёт себя в руки, решает подарить «чистослову» словарик с ругательствами, так сказать, для общего развития.

— Что ж, — после небольшой паузы говорит лидер, — мы принимаем твоё условие, и твоё тоже, Вэйлос, загладь свою вину. Мы не будем мешать вашей схватке... каков бы ни был финал. Эрни, Протос, не вмешиваться!

«Вот же мразь, — начиная разминку, решает для себя монах, средоточие благочестия и гармонии, — буквально мне в лицо дал позволение на моё же убийство... интересно: как они ходят в туалет в этих костюмах».

Вэйлос ступает на площадку, а оставшиеся наблюдатели увеличивают дистанцию. Ума поклонился сопернику, пряча издевательскую улыбку. Мститель ринулся в атаку, возвещая о начале смертельной пляски...

Они разместились на веранде «Ребелентис», покрытой прозрачным куполом, дающим ощущение, что ты находишься в открытом космосе. Самые почётные гости станции бродили вдоль настила, вели беседы, брали у дронов-разносчиков напитки и закуски и, самое главное, делали ставки, наблюдая за отбором благодаря усыпанным по всей веранде экранам и проекторам. Ведущий организатор Блюс то и дело шутил, лебезил и смеялся, переходя от гостя к гостю, рассыпая советами и отвечая на вопросы. И никто не замечал, как какофония из несмешных шуток, приторных комплиментов и наигранного смеха заставляют его веко дёргаться.

— Вы только посмотрите! — один из клиентов повысил голос, привлекая внимание близстоящих, — кажется, мышонки собираются драться с чёрной четвёркой, охoho! — он захохотал, одной рукой хватаясь за свой полноватый живот, а другой поправляя усы, — кто-нибудь готов на него поставить? — и гости вокруг известного всем балагура зашуршали, отказываясь принимать участие в споре.

— Почему бы и нет? — из скопившейся толпы выходит элегантно одетый брюнет невысокого роста.

— Дорогой мой Ван Сизель, я в Вас не сомневался! Помнится, вчера именно Вы выиграли одну из самых безумных ставок отбора. Хо-хо, посмотрим, что получится в данной ситуации. Какую ставку вы готовы принять?

— Один миллиард на мышонка...

Толпа притихла, а слегка упитанный господин сглотнул:

— Хе-хе, да Вы азартны, как я погляжу! Что ж, я принимаю ставку, господа! — хохочет балагур, но его взгляд не смеётся... и не предвещает ничего хорошего...

Первая атака была лавиной безудержной ярости. Ума не стал мудрить и нанёс удар до того, как на него обрушится весь гнев противника. Вэйлос был выбит из колеи, не способный

подстроиться под темп. Каждый удар пресекался встречным ударом по рукам и ногам, нейтрализуя любую возможную комбинацию в её зародыше. Чёрный костюм принимал на себя удар за ударом, что не приносило ему никакого вреда, но злило носителя всё больше и больше. Бронник рычит, продолжая атаковать и не обращая внимания на жалкие попытки монаха.

Парень отбивает каждый удар — тогда увеличить силу атаки, и бой приобретёт новый вид. Уме не остаётся ничего другого, кроме как кружить вокруг смертоносной брони, постоянно находясь в движении, уклоняясь от ударов и жаля в ответ.

Удары монаха выводят из равновесия — повисить уровень защиты и подобно скале не обращать внимания на потоки ветра.

Враг слишком быстро перемещается — с каждым ударом увеличивать скорость: всё больше и больше, насколько позволяет броня. Увеличивать до тех пор, пока удар не достигнет свою цель.

Удар настигает свою цель, и Ума еле успевает его заблокировать. Кости трещат, земля уходит из-под ног, нечеловеческая сила отбрасывает юношу в сторону, и спина, лишая лёгкие воздуха, принимает на себя гостеприимство пола. Из Вэйлоса вырывается торжественный вздох, и он широким шагом направляется добывать свою добычу. Добыча поднимается. Но поднимается уже не Ума Алактум, беспардонный юноша с живыми глазами, прямолинейно прущий напролом. Поднимается змей девяти искусств, с металлическим холодом во взгляде, выходец из осколков Лиан-Чжунь, истинный владелец своей чёрной рубы и звания мастера. Вэйлос, не заметив разницы, наносит удар в желании поскорее закончить бой.

Искусство первое — танец ветра. И мастер взлетает в воздух, избегая опасности, уходя из поля зрения противника, подобно пёрышку облетая удары. Бронник теряется в урагане движений, процессор не успевает реагировать на нестандартные движения, и Змей бьёт «молотом ветра». Кружась в воздухе, он раз за разом обрушивает на броню удары всего веса тела, раз за разом взлетая и рушась на врага. Раз за разом порхая пером на ветру. До тех пор, пока удар не будет отбит нейтрализующей силой костюма в более низкой стойке хозяина.

Искусство второе — водная гладь. И монах ждёт, а враг атакует, чтобы захлебнуться собственным бессилием, растущим от применения всё большего и большего количества силы. Вэйлос чувствует, как его кулаки касаются цели и тут же проваливаются в пустоту. Не понимая, что происходит, заставляет себя бить всё быстрее и сильнее. А мастер обтекает удары, нейтрализуя силу противника, используя её для собственной пользы. Костюм не помогает, и носитель снова начинает злиться, пока монах, избегая ударов, восстанавливает дыхание.

Искусство третье — око земли. Комната кружится, и Вэйлоса что-то бросает на пол. Не понимая, что происходит, он моментально вскакивает, замечает краем глаза приближающегося противника, наносит удар и снова оказаться на полу. Снова поднимается и бьёт, чувствуя, как из-под ног уходит земля. Меняет тактику и становится в защиту, только чтобы после блокировки пол и потолок снова поменялись местами. Становится, готовясь к очередному падению. А Змей готов к очередному броску, раз за разом подсекает ноги, выкручивает суставы рук, толкает и бросает, используя силу противника против него же и заставляя почувствовать сотрясение от падений. Костюм S-ранга не желает соглашаться с подобным положением вещей, а его владелец решает поменять тактику, намереваясь схватить ноги оппонента. Око земли: земляной столб. Мастер замер в низкой и широкой стойке, Вэйлос бросается к нему, монах, вскидывая кулак, молниеносно выпрямляется, и бронник отлетает от удара, будто натолкнувшись на непреодолимое препятствие... Поднимается владелец костюма не спеша и когда монах приближается на достаточно близкое расстояние — наносит удар.

Быстро, слишком быстро — тренированный боец Лиан-Чжунь еле успевает уклониться, а перчатка броненосца таки рассекает скулу юноше. Отпрыгнуть, занять низкую стойку. Костюм повышает скорость хозяина, выжимая из тела всё возможное, но, несмотря на это, Вэйлос не спешит атаковать. И атакует монах.

Искусство шестое — лианцуань. Змей, подобно змее, сжимается как пружина и бросается на врага, ускользя от встречного удара, обвивая противника и валя его на пол. Мастер сводит на нет всё преимущество в скорости, используя искусство борьбы и захватов. Костюм адаптируется к ситуации, тратит энергию на увеличение силы и выносливости и пытается стряхнуть обузу. Враги катятся по полу, Вэйлос разрывает захваты, и монаху, в попытках связать необъятное, приходится постоянно двигаться, проводя новые и новые приёмы. Змей то и дело безуспешно обвивает шею и конечности, но броня слишком прочная, чтобы поддаться на столь неубедительные уговоры, и его таки отбрасывают подобно надоевшему котёнку.

— Этого достаточно, — шепчет уставший монах.

— Таки признаёшь безуспешность своих попыток? — возвращая свою надменность, усмехается сквозь шлем мститель.

— Нет, нет, что Вы, — тёплая улыбка озаряет лицо младшего мастера Лиан-Чжунь, — просто этих четырёх искусств будет достаточно, чтобы показать тебе твоё место...

И взлетает в воздух чёрной птицей, пикируя на врага, чтобы тот уклонился и контратаковал. Поглотить его атаку разворотом тела, схватить за руку и подсесть ноги... безуспешно — завершить толчком, подхватить в падении и бросить об землю. Попытаться сорвать шлем, сгруппироваться после ответного удара, взлететь как пёрышко, упасть как камень...

Наблюдатели данного поединка не верили, не верили в успех мастерства, зная, что ни один удар не сможет навредить костюму S-ранга. И они были правы.

Сколько минут уже длится бой? Десять? Двадцать? Кажется, что целую вечность. Змей девяти искусств вернулся к первоначальному характеру боя, и уже Ума кружится вокруг Вэйлоса, уклоняясь от смертельных атак и стараясь ударить при каждой возможности. Пот заливаает глаза, тело уже не чувствует усталости, только нарастающую боль в мышцах, тупую боль, что заставляет молиться об окончании отбора, молить о спасительном сигнале...

Торжество захлестнуло Вэйлоса, тысячи зрителей ахнули, рассмеялся полноватый гость на веранде, и сменился удивлением уверенный взгляд Умы Алактума, когда очередной удар бронника таки достигает свою цель. Вэйлос чувствует, как его пальцы врезаются в бок наглого юнца, как плоть жертвы прогибается под проникающим ударом, как рвётся кожа, крошатся рёбра, заливая руку тёплой бардовой кровью...

Многие участники турнира знали, что этот день отбора будет самым сложным. Чтобы его пережить, было необходимо полностью сосредоточиться на себе и своей стратегии выживания. Также многие знали, что команда бронников выбрала себе жертву, а значит: в этом отборе никто не брал их в расчёт как потенциальную угрозу. Каждый решил набрать как можно больше очков, обходя эту компанию стороной, а уж о том, чтобы вмешиваться в их разборки, никто не желал и думать. Ни новый знакомый Дурий, наблюдавший за тем, как из аллеи невесомости выходят «клинки», ни Иола, покидающий бар с двумя окровавленными саблями, ни одна из команд и никто из фаворитов.

Мутант Фин Лехц догоняет жертву и ломает ей хребет. Боец интейку — кицианец Гис Шимута с треском давит очередной череп. Кросс-хантер Кун Антис переступает через труп последнего члена банды «Псов», попутно вытирая свои кривые клинки. Охотник за головами Сэзаул подобно пауку ожидает, пока очередной участник попадётся в его ловушку. Военный преступник Дилас — бывший офицер Космического Дозора, что просиживает отбор в безопасности. Все они были не менее важны в своей человеческой ценности, и посему ни у кого из них не было ни мыслей, ни ожиданий о помощи кому-либо, кроме их самих.

Именно поэтому и была совершена самая крупная ставка дня, и хохот разносился по веранде, заставляя остальных гостей неловко отводить взгляды. Полноватый мужчина хохотал, держась за своё брюшко, как привык хохотать при каждой сделке с пиратами системы Волейс. А невысокий джентльмен в самом расцвете сил замер в своём неподвижном молчании, и каждый из гостей хотел знать: о чём думал в тот момент Ван Сизель, владелец 20% акций добывающей компании «Ресурс».

— Ну ты и задал жару! — утирая слёзы, обратился член контрабандистского картеля к представителю корпорации «Ресурс», — кто бы ещё сделал ставку на деревенщину, как не ты?

Организатор Блюс подходит, и его голос, усиленный прикреплённым к шее лакрофоном, разлетается по всей веранде:

— Дамы и господа! Мы стали свидетелями невероятной ставки! Не пора бы узнать, как проигравший намеревается оплатить долг?

— Да, да, долг, какое громкое слово, — весело разлетается голос полного торговца, — а не стоит ли провести расследование на случай сговора с участниками, а?

— Сговор исключён, всё, что происходит на станции, проходит через меня, и пара миллиардов слишком маленькая сумма, чтобы я нарушил своё слово. Так намереваетесь ли Вы выполнить условия сделки?

— Хо-хо! Что ж, думаю, нет причин для сомнения, все же так считают, да?

— И в третий раз спрашиваю, — голос ведущего впервые стал холоден, — Вы выполните условия сделки, или нет?

— Да хренас два! — контрабандист впервые показал свой гнев, заорав, брызжа слюной и опасностью, — хрена вам, а не мои деньги, мою плоть и кровь! Это невозможно, я не мог проиграть! Да мой кор...

Полный гость не договорил: разрывная пуля калибра MLS снесла ему пол головы, заставляя распуститься бутон из крови, кости и мозгов. Туша пошатнулась и рухнула, посетители захлебнулись немим ужасом. Кто-то из женщин завизжал (а может, и не из женщин).

— Попрошу спокойствия! — вытирая забрызганное кровью лицо, успокаивает гостей ведущий организатор, — заверяю, что снайперы здесь для вашей же безопасности, и мы все знали, чем чревато невыполнение пари. Вам ничего не грозит! Прошу, продолжайте наслаждаться отбором, он скоро закончится, и не обращайтесь внимания на мелкое неудобство под ногами: его вскоре уберут.

Элита тем временем не спеша идёт врассыпную, как семена на ветру, подальше от точки конфликта. А Блюс, отключив лакрофон, обращается к Ван Сизелю тет-а-тет.

— Прошу прощения за столь печальный исход, надеюсь, Вы не сильно огорчены?

— Ничуть, в конце то концов, победа за мной, победа, в которую никто не верил.

— Действительно, может проигравший и не пожелал выплатить вам жалкие пару миллиардов, но заплатить жизнью куда более экстравагантно, Вам не кажется?

— Вы правы, к тому же я думал отдать выигрыш этому отчаянному монаху. Надо же: победить двоих бронников за два дня. Но, может оно и к лучшему: деньги развращают. Позвольте откланяться.

— Конечно, конечно, мне и самому следует присоединиться к оставшимся гостям!

Веранда постепенно утихала, устав от возбуждённого шёпота, а один из почётных наблюдателей, тяжело дыша и с трудом передвигаясь из-за огромного количества лишней массы, дёрнул за цепь, чтобы малолетний раб кинулся оттирать с ботинка хозяина так неудачно приземлившуюся туда смесь из крови и мозга.

Торжество захлестнуло Вэйлоса, тысячи зрителей ахнули, рассмеялся полноватый гость на веранде, и сменился удивлением уверенный взгляд Умы Алактума, когда очередной удар бронника таки достигает своей цели. Человек в костюме чувствует, как его пальцы врезаются в бок наглого юнца, как плоть жертвы прогибается под проникающим ударом, как рвётся кожа, крошатся рёбра, заливая руку тёплой бардовой кровью.

Владелец костюма уже начал переживать эти ощущения, когда понял, что что-то не так: пальцы врезались в бок жертвы, плоть слегка прогнулась, но кожа так и не порвалась, рёбра не раскрошились, кровь не пролилась.

Наигранное удивление во взгляде сменяется издёвкой, и Ума хватает правую руку Вэйлоса. Не понимая, что происходит, мститель бьёт левой. Слишком медленно, слишком слабо — монах даже не пошатнулся от прикосновения кулака к груди. И левая рука тоже оказывается в тисках из пальцев и воли. Бронник пытается вырваться, но безуспешно. Ума смеётся.

Искусство девятое — космическая длань, техника внутреннего кулака. Техника, тысячекратно отработанная ударами по воде, по стопке каменных плит и стенам изо льда. Змей то ли бьёт, то ли толкает костюм двумя ладонями в живот. Только костюм удерживает скрюченного Вэйлос на ногах, боль заполняет всё нутро, шлем заполняется кровавой рвотой.

— Не бойся, — шепчет змей девяти искусств, — костюм поглотил часть ударной волны — ты не умрёшь. Отбор, конечно, ты тоже не пройдёшь, но, я думаю: ты это и так уже понял. Знаешь: пока у нас есть время, давай поговорим, — монах выкручивает руку противника, чтобы при необходимости максимально быстро сорвать браслет, — хорошо, что по правилам, нельзя прятать браслет под бронёй, а то мне бы пришлось тяжко. Ты представляешь: я бы мог теоретически нанести тебе этот удар с самого начала, но, признаться, было слишком опасно. С вашей-то скоростью я мог пострадать от контрудара куда больше, да и техника эта с бугра не делается, — мастер сплёвывает на пол, — поэтому-то я и предпочёл стратегию силе. Да, знаешь, я начал приводить план в действие ещё прошлой ночью: проверял вашу выносливость. Костюмы, конечно, увеличивают ваши показатели в несколько раз, но лимит есть лимит. Предыдущий забег показал: на сколько вас хватает. Ну вы и рыхли, чес слово, да ещё и идиоты, раз решили, что Синтраж с костюмом можно осилить. Ну да ладно, ведь всё, что мне пришлось сделать, так это погонять вас с полчаса по станции, а потом довести тебя до бессилия. Было

нелегко, признаюсь, и страшновато... у меня походу рёбра треснули, задел-таки меня, сволочь. Да и не руки у меня теперь, а сплошные синяки. Костюм конечно, вещь на войне полезная, но не для детишек вроде вас: он стимулировал твой организм в бою до тех пор, пока твои мышцы не окислились так, что ты не смог двигаться. Ну, в принципе, таков и был мой план. Теперь вас осталось трое. Посмотрим, хватит ли моих козырей на следующий отбор, — юноша улыбается, — по крайней мере, было весело.

— Весело, — с трудом выдавливая из себя Вэйлос, — я скажу тебе что весело. Ахах, у нас в команде есть Протос, профессионал, мы перестраховались, и он тебя...

Ума прыгает в сторону, уклоняясь от клинка и попутно срывая браслет с собеседника. Его преследует бронник со стилетом, то и дело нанося удары по конечностям и заставляя постоянно двигаться.

«Конечно, зачем останавливаться на идеальной броне, давайте и оружием попользуемся».

Атаковавший делает грубый выпад, монах прогибается назад, пропуская над собой изящную сталь и, уловив момент, перекидывает врага через себя.

Присесть, уловить момент атаки другого — лидера чёрных — быстро, очень быстро, почти сократил дистанцию. Ума вскакивает, одновременно ударяя на опережение. Удар отбрасывает Бар Дьюка назад.

Тень справа, брошенный стилет свистит, рассекая воздух — уклониться в последний момент. И тут же, перехваченный другим бронником клинок летит обратно в цель. Уме снова не уклониться, и он перехватывает лезвие, останавливая стилет перед своим лицом. Окровавленные пальцы разжимаются и прежде, чем сталь ударяется о пол, монах, преследуемый двумя противниками, превращается в вихрь из уклонов и уходов. Тяжело, слишком тяжело.

Дьюк захватывает шею, выкручивает, юноша изворачивается, выходит из захвата, лидер заламывает руку, намереваясь просто сорвать браслет и, увлечённый скорой победой, не замечает, как ладонь монаха ударяет шлем. В мозгу бронника будто что-то взрывается: кровь льётся из носа заливая шлем изнутри и не давая дышать, ноги подкашиваются. Ума, не успевая нанести новый удар, чувствует движение за спиной, хочет рвануть в сторону, но ноги отзываются болью и не слушаются хозяина, мышцы спины напрягаются, принимая на себя удар — пол уходит из-под ног, на секунду мир чернеет...

Прийти в себя. Больно. Третий бронник, ранее не атаковавший, приближается. Слишком быстро. Ума сжимается и, разжимаясь подобно пружине, бьёт. Третий замирает перед ударом.

«Профессионал, мышь его».

Монах разворотом тела уменьшает ущерб от атаки, блокирует и чувствует, как после непродолжительного полёта спина сшибается со стеной.

Сознание покидает тело. Враг тенью нависает над ним.

«Конец? Как хорошо... я так устал... так хочу спать... побыстрее закончите это... слишком тяжело».

Какой-то шум достигает последних остатков разума, и Ума не сразу понимает что это. Шум волной накрывает его, почти оглушая и пробирая до костей. Шум, дарующий обречённым

надежду. Шум, вернувший безумца в сознание. Шум, заставляющий полумёртвого почувствовать себя победителем.

Сигнал об окончании отбора ураганом проносится по станции, и парень, с кровавой улыбкой на лице, ложится на пол и позволяет беззвучному смеху вырваться на свободу. Он даже не знает: почему он смеётся. Из всех сотен тысяч причин он не может выбрать ту, что заставляет его смеяться, но и перестать не в состоянии. Всё равно. Уже ничего не имеет значение, только прошедший по станции сигнал. «О великий Космо, ты ли это?» И новая порция смеха вырывается из груди, смех, что у женщины бы принял форму слёз.

Нависший над ним бронник по имени Протос шипит, разворачивается и уходит прочь.

Тут же в аква-театре появляется потрёпанный (от причёски до одежды) цикианец, садится подле Умы и проверяет его пульс. Прежде чем потерять сознание, монах замечает знак медицинского персонала на рукаве незнакомца. И хотя на врача он совершенно похож не был, на сердце монаха становится немного спокойнее.

— Ты должен отказаться от участия в отборе. — Молодой человек в золотистом парике и со шпагой на бедре стоит напротив пульсирующего кокона в человеческий рост. Кокон регекapsулы, в которой находился один весьма и весьма нерассудительный юноша. — Ты молчишь. Тебе сложно говорить?

— Неа, — доноситься из кокона, — просто у меня есть сразу три варианта ответа, и я не знаю какой из них выбрать...

— Что ж, можешь выбрать все три, как в философии Херне Юстукса. Думаю, ты знаком с его учениями, хоть и прикидываешься... не важно.

— Ну, во-первых, с чего это ты перешёл на «ты», неужто решил, что я стал достоин твоего тыканья? Ведь насколько я помню, ваши не тыкают даже самым близким, или ты это подмазываешься, чтобы я тебя ненароком не прихлопнул на следующем отборе? Ай, в боку щиплет, демос его побери! Гхм, во-вторых, доктор мне сказал то же самое, и я ему мило объяснил, что я никому ничего не должен, и что касательно отбора он мне не советчик. Я столько кредитов выложил за эту хреновину, что если к началу отбора она меня не подлатает, то я сверну шарлатану шею... а в-третьих... я забыл, что хотел сказать...

— Смеею предположить, что головой ты не слабо стукнулся. А что на счёт моего обращения — я тоже могу дать тебе три варианта ответа. Во-первых, я мог решить, что это упростит моё общение с людьми за пределами сивилийского Дома. Во-вторых, полагать, что мы обращаемся друг к другу только в уважительной манере — стереотип дошкольного возраста. В-третьих, я устал от твоих попыток вывести меня из равновесия, высмеивая мою манеру речи. Доволен?

— Так-то мог и не отвечать, мне не больно то и интересно было.

— Каковы твои прогнозы?

— Не знаю, — голос Умы впервые за весь диалог показался усталым, — шансы есть, но будет тяжело: трещина в рёбрах, трещина в локте, множественные ушибы, лёгкое сотрясение мозга, только что вправленный позвонок, мышечное переутомление, лёгкий вывих плеча. А в остальном — всё в порядке, хоть звёзды туши.

— Никто не верил, что можно одолеть носителя «смерча» голыми руками, никто из нас...

— Любителя — можно, но среди них есть и профи, и в моём нынешнем состоянии я с ним не справлюсь.

— Ты хочешь, чтобы я остался с тобой до конца следующего отбора?

— Шутишь? Вы же ясно дали понять, что не намерены вмешиваться, — речь юноши вновь стала радостно беззаботной.

— Ты обижен что...

— Уволь меня от этого, твоя помощь мне не понадобится, к тому же и так понятно, что наилучшим вариантом было бы держаться отсюда подальше, — минутная тишина опустилась на комнату с капсулой регенерации, давая время подумать обоим собеседникам.

— Та техника, — прерывает молчание Йола, не привыкший к столь непростительному нарушению этикета, — не думал, что она реальна, полагал, что эта очередная байка монахов.

— Ахах, я тоже, вот же свезло, что у меня получилось, кто же знал.

— Ну разумеется. Я как-нибудь тоже попробую: побью водные мешки, глядишь — получится поразить внутренности, минуя броню. Может и миф о том, что вы можете уклоняться от выстрелов тоже правда?

— Неа, — неохотно отвечает Ума, копошась внутри кокона, — это брехня, но это не значит, что пули в нас попадают.

— Ясно, — лёгкая улыбка появляется на лице Йола, — надеюсь, как-нибудь расскажешь, в чём секрет, а сейчас я откланяюсь: нужно уходить, пока здесь не разыгралась буря.

Аристократ развернулся на каблуках и грациозно направился к выходу, не дожидаясь прощальных слов. Уже в проёме расступившейся стены его догнал вопрос раненого:

— Ты же знал, что я откажусь от твоей помощи, может, потому и предложил? Ты и вправду веришь, что я могу победить, или просто перфекционист? Ты и с остальными фаворитами наладил отношения, или просто хочешь перестраховаться и убедиться, что я не нанесу тебе удар в спину в случае моей победы?

Златовласый уриец вышел из комнаты, ничего не ответив. Приближался второй отбор второго дня. Кульминация...

— Думаешь, ты единственный, кто меня сегодня навещал? — юноша продолжает кричать вслед ушедшему гостю, — ко мне уже заходил один бородатый пьяница, и от беседы с ним пользы было гораздо больше, чем от тебя за все дни отбора!

В палату заглядывает обладатель самой растрёпанной шевелюры в мире. Понимая, что его заметили, врач неловко кряхтит и нарочито уверенным шагом подходит к реге-капсуле своего пациента. Пока доктор изучает показатели сканера, Уме в очередной раз выпадает шанс изучить своего врача. Станный: неряшливый и с более болезненным видом, чем некоторые больные. Молод, но одевается как мёрзнувшая старушка. Каждая назначенная им процедура лечения вызывала опасения за свою жизнь.

— Неплохо, неплохо, — бубнит лекарь, скорее для пациента, чем для себя, но заметив недоверие во взгляде участника, решает добавить что-нибудь профессиональное, — биологическая активность ваших эритроцитов довольно высока. Я поставлю вас на ноги в ближайшее время.

— У меня нет времени, док, следующий отбор может начаться в любой момент.

— Кто это к Вам приходил? Ваша подружка?

— Мне нужно вернуться в боеспособное состояние как можно скорей.

— Вот была у меня однажды... да кого я обманываю.

— Эй, не игнорируй меня! Этому вас учили в медицинской академии? Издеваться над неспособными к передвижению пациентами?

— Не волнуйтесь, Ума Алактум, отбор закончился всего два часа назад. Я погружу Вас в сон на час и разбужу, если начнётся отбор. До тех пор обдумайте ваши следующие действия, чтобы не усугубить уже имеющиеся травмы и не заработать новые. — Доктор, прихрамывая, направляется к выходу. — У меня нет желания тратить время на пациента, не способного сохранить себе жизнь.

— Эй! — монаха озаряет, — последняя фраза! Я её уже слышал. Это же из сериала «Доктор Мауз», ты только что процитировал фразу, сказанную персонажем из сериала? Эй! Я не хочу, чтобы меня лечил этот неудачник! Я тре...

Снотворное безукоризненно выполняет свою работу, не позволяя пациенту выразить свою волю...

005

«Я тебе не говорил, что мальчишка многому научился у копии сознания своего учителя? И да, помимо причинения боли другим людям — не заставляй меня закатывать глаза. Продолжим. Казалось бы, его обучала всего лишь развитая программа, лишённая чувств и не способная найти подход к человеку уязвимому перед своими чувствами. Но в этой истории это не стало проблемой. Я бы даже сказал, что это стало решением. Совокупность бесчувственного знания, дающая выбор между жизнью и существованием. Что могло быть лучше? Наверно, только если бы он не родился...»

— Учитель, я не совсем понимаю, — мальчишка раз за разом пробегает взглядом по голо-символам, в ожидании того, что смысл, сокрытый в совокупности рун, таки достигнет его сознания.

— Конкретнее. — Голос, сильный и уверенный голос. Только это и осталось от величайшего из учителей Дзен Ун... но ученик уже привык, ученик уже смирился...

— Я не могу понять некоторые вещи по отдельности, но в первую очередь: зачем прилагать столько усилий к развитию физических показателей, при таком разнообразии оружия в мире.

— Это даже не смешно, ты будто спрашиваешь: «почему трава зелёная». Ну ладно, давай сперва разберёмся с тем, что ты знаешь. Рассказывай, что ты успел понять-запомнить из

параграфа.

— Избегая псевдо-философских понятий оружия... — вздохнув, начинает пересказ мальчишка.

— Постой-постой-постой-постой, — наставник спешит остановить ученика, — рассказывай так, будто ты этого сам хочешь... и попутно проводи комплекс упражнений на метаморфозы мышечных тканей... и улыбайся, да, не забудь улыбаться.

Паренёк колеблется, но в конечном итоге пытается убедить себя в том, что машина не может шутить и издеваться над человеком. Должен быть какой-то смысл. Значит должна быть и определённая польза. Горе-ученик вздыхает и с лёгкой улыбкой на лице встаёт на руки. Равновесие то и дело подводит мальчишку, и ему приходится периодически опираться ногами о стенку. Чувствуя, как кровь притекает к голове, ученик спешит начать пересказ:

— Люди всегда проявляли немалое старание при создании орудий для убийства себе подобных. Разнообразие видов и форм может поразить самую развитую фантазию. В Бездне есть разделение оружия в целом на ранги и виды. Низшим рангом (или классом) оружия считается класс F, а высшим — класс SSS. В то же время оружие делится по видам: холодное, механическое, волновое, биологическое, химическое, симбиотическое, гуманоидное. Так каждый вид оружия имеет свой ранг, что определяет его боевую мощь и степень разрешения на его пользование. Так оружие низшего ранга способно только отпугнуть или задержать человека, ранг E способен навредить, ранг D может даже убить противника, тут следует учитывать вид оружия. Наиболее предпочитаемым не Тетра-Виа считаются волновые пушки, начиная от парализаторов, способных не более чем парализовать или оглушить человека, и заканчивая артиллерией ранга SS и SSS, для проведения боевых действий в космосе. Основным минус волновых излучателей, кто бы сомневался, заключается в высоких энергозатратах. Поэтому десант и пехота редко используют волновые пушки, не смотря на их бесшумность и способность поджарить человека с одного выстрела.

Раскрасневшийся мальчишка становится на ноги, утирает редкие капли пота и фиксирует тело в низком положении полуприседания. Ноги начинают ныть почти сразу, но нужно продолжать, пока можно сохранять эту позицию.

— Механическое оружие по-прежнему используется армейцами: от гуманных игломётов, которые к слову могут содержать не только парализующий яд, до штурмовых винтовок с разрывными пулями и ракетных установок для боя в космосе и запрещённого применения на планете.

Ноги начинают бессильно трястись, оповещая о невозможности дальнейшего пребывания в текущей позиции, и ученик плавно перемещает центр тяжести, меняя положение ног и выигрывая себе ещё немного времени.

— Биологическое оружие, как и химическое, используется редко, и применение выше А-ранга запрещено. Формально владелец биологического оружия массового поражения подписывает себе смертный приговор, хотя модификация животных и насекомых, используемых как средство защиты, встречается повсеместно. В принципе: зачем таскать с собой ножи, если тебя могут защитить узоры твоего плаща, которые на самом деле не узоры, а спящие осы-балеит, готовые при опасности ринуться на обидчика своего хозяина... Это единственный пример, который я смог запомнить.

Сделать широкий шаг, опустить туловище максимально низко, и замереть в этой позе на некоторое время. Предательски выдавая слабость, капли пота попеременно сбегают по лбу. В

комнате становится жарко, лёгкая тренировочная накидка кажется неудобной, в нос ударяет резковатый запах пота. Улыбаться в паузах становится всё сложнее.

— Симбиотически вживлённое оружие есть скорее попытка копирования йолов-мутагенов, которые от рождения стоят об руку со смертью. Также есть немало спец, мод, и мутантов, прошедших искусственную модификацию, и отличающихся по функциональной специфике преобразований.

Наконец-то можно позволить себе стать прямо. Выдохнуть. Поднять руки в стороны. Максимально выгнуть кисти рук, пальцы прямые, тянутся вверх. Предплечья отзываются странным напряжением, в груди оседает тяжёлый комок из нежелания, лени и соблазна прекратить всё как можно скорее. Прежде чем продолжить — улыбнуться самой широкой улыбкой в мире. Почти искренне, на грани самообмана.

— Холодное оружие, как ни странно существует до сих пор только благодаря техническому развитию. Казалось бы, в то время, когда противник уничтожается на расстоянии, нет месту поножовщине, но именно из-за совершенствования механических и волновых орудий, также совершенствовалась защита от них. И если до Второго Исхода при абордаже или десанте наёмники предпочитали расстреливать всё и вся, то после была придумана защита от излучения, и даже от пуль, создавая спрос на клинки всевозможных форм. Первые прототипы ближнего боя были примитивные на сегодняшний день боевые костюмы, создающие вокруг себя гравитационное поле, тем самым сбивая траекторию пущенных в них снарядов. Также их оснащали рассеивателями, нейтрализующими различные излучения волновиков. Это позволяло приблизиться к стрелявшим и навязать ближний бой. На фоне совершенствования магнитной защиты стали совершенствоваться методы создания мечей, ножей и прочих инструментов. Волновые щиты, микро-баннеры и, конечно же, электромагнитные и гравитационные гранаты, сводящие на нет все преимущества технического совершенства, повлекли за собой совершенствование человека, а не его оружия. Боец спец, напичканный пилюлями, спец программмер, с преимущественно развитым левым полушарием, лингво спец, и многие другие. Некоторые соглашались пройти мод, с более углубленным изменением и с гораздо большей жертвой...

Наклониться, обхватить ноги, почувствовать, как тянется позвоночник, тянутся мышцы и сухожилия. Выгнуться в обратную сторону, мостиком становясь на пол, в бессмысленных попытках сохранить подобие улыбки на лице.

— На оружия выше класса D требуется разрешение, как у агентов структур, наёмников на службе и тому подобным. Есть и обходные пути разрешения на ношения оружия, если ты не с правительством, и не с чёрным сектором, конечно же. Имеется право носить оружие, если ты по договору нанят в качестве телохранителя, бывает, что банды официально являются сборищем телохранителей друг друга. Другие уловки бюрократического отхода я не осилил, — ученик завершает истязать своё тело, и поочерёдно стряхивает отзывающиеся болью конечности, — это всё, что я смог запомнить, учитель.

— Хм, — не спешит с ответом наставник, и ждущий ответа паренёк готов поклясться, что программное сознание решает похвалить ли своего ученика в издевательской манере, или в этой же манере унижить, — ладно, ладно, ладно, ладно. Есть конкретные вопросы по тому, что ты смог запомнить?

— Я так и не понял принципы защиты от стрелкового оружия и причины его несовершенства. Мне сложно представить практическое применение описанных классификаций орудий...

— Ну что тут непонятного? Есть свои плюсы и минусы в применении оружия дальнего и ближнего боя. Понятно, что недостатком холодного оружия есть радиус его атаки, даже метательное оружие в этом плане сильно уступает любому из стрелковых. К тому же изготовление мечей гораздо сложнее и дороже, чем многие могут себе представить. С другой стороны: механические пушки не всегда эффективны. Иглометы недостаточно быстры и обладают малой пробивной мощностью. Стрелковые автоматические ружья смертоносны, но работают по принципу электромагнетизма и могут быть выведены из строя. Даже снаряды огнестрела подвергаются воздействию гравитационных полей, на основе чего и была разработана защита от них, а также способ выведения пушек из строя с помощью ЭМИ. Сейчас каждый меч, щит или доспехи создаются на хируановой основе, с возможностью создания защитных полей. Поля искажают траектории пуль, используя комбинацию электромагнитных и гравитационных механизмов, но это может быть опасно для жизни напарников при командной работе, поэтому в оружии также есть режим притяжения, при активации которого щит будет притягивать снаряды, что обезопасит союзников. На этой же основе происходит защита от волновых излучений. А теперь представь: какой ущерб может нанести группе стрелков один единственный мечник, тем более если у него будет возможность воспользоваться электромагнитной гранатой... Хочешь что-то спросить?

— Но, — ученик запнулся, боясь, что его вопрос покажется глупым, — но как тогда мечники сражаются с активированными магнитными полями, чтобы не повлиять на траектории ударов?

— Существует скоростно-весовой лимит, который может попасть в зону воздействия гравитационного поля. В первую очередь поле реагирует на объекты, превысившие скоростной лимит безопасности. Скажем, метательные ножи и можно было бы нейтрализовать, но скорость полёта ножа не превышает допустимую программой. Чего уже говорить о мечах. К тому же излучение не захватит слишком тяжёлые или лёгкие предметы. К счастью, вес пуль из почти всех существующих сплавов и металлов в пределах воздействия поля. Наибольшую угрозу представляют пули из редких видов древесины: они достаточно прочны, чтобы пробить стандартную броню, не поддаются магнетизму и слишком лёгкие, чтобы гравитационное искажение могло повлиять на полёт. Кроме прочего, при сражении мечников следует помнить, что клинки созданы на хируановой основе, из-за чего магнетические свойства могут нейтрализоваться. Толком и не помню даже суть процесса, если честно.

Мальчишка замер с видом того, кто только что проглотил муху. Ему всё сложнее было поверить, что его обучает искусственный разум. Слишком умеренное количество человеческой глупости. Слишком убедительная симуляция.

Компьютер замечает разочарование, вызванное своим ответом, и решает перевести тему:

— Конечно, нет ответа кто победит при использовании того или иного орудия: всё зависит от человека. Так и повелось, что стрелки не могут использовать защитные поля, а самое дальнобойное оружие мечников — арбалет. Также не следует забывать о запрещённых химических бомбах и огнестрелах. Совет Веста пресёк возможность массового производства взрывчатого геля и его производных. Безостановочно ведётся наблюдение за выбросами химических элементов в атмосферы подвластных колоний. Ежегодно количество уничтожаемых производителей уменьшается на одну-две единицы, тем не менее, единичные случаи создания взрывчатых веществ отследить не так просто, и многие наёмники могут использовать в бою то, что ты никак не ожидал увидеть у законопослушного гражданина...

— Я понял, учитель, можно мне продолжить самостоятельное изучение?

— Конечно, — отмахивается нематериальный разум, уверенный в том, что вернул в сердце

ребёнка уверенность в правильности выбранного им пути...

<http://tl.rulate.ru/book/8500/159565>